ГАНС ХРИСТИАН АНДЕРСЕН

ПОД ИВОЙ

Ганс Андерсен

Под ивой

«Public Domain»

1852

Андерсен Г. Х.

Под ивой / Г. Х. Андерсен — «Public Domain», 1852

«Окрестности Кьёге довольно голы; положим, город лежит на самом берегу моря, а это уж само по себе красиво, но всё же окрестности могли бы быть покрасивее. А то куда ни обернёшься – плоское, ровное пространство, до леса не скоро и доберёшься. Освоившись хорошенько с местностью, можно, впрочем, и тут напасть на такие красивые местечки, что потом будешь скучать о них даже в самом восхитительном уголке земного шара. Вот, например, на самой окраине города, сбегали вниз к быстрой речке два простеньких, бедненьких садика, и летом здесь было прелесть как хорошо! Особенно для двух ребятишек: Кнуда и Иоганны, которые день-деньской играли тут; они были соседями и пролезали друг к другу сквозь кусты крыжовника, разделявшего их садики…»

© Андерсен Г. Х., 1852
© Public Domain, 1852

Ганс Христиан Андерсен
Под ивой

Окрестности Кьёге довольно голы; положим, город лежит на самом берегу моря, а это уж само по себе красиво, но всё же окрестности могли бы быть покрасивее. А то куда ни обернёшься – плоское, ровное пространство, до леса не скоро и доберёшься. Освоившись хорошенько с местностью, можно, впрочем, и тут напасть на такие красивые местечки, что потом будешь скучать о них даже в самом восхитительном уголке земного шара. Вот, например, на самой окраине города, сбегали вниз к быстрой речке два простеньких, бедненьких садика, и летом здесь было прелесть как хорошо! Особенно для двух ребятишек: Кнуда и Иоганны, которые день-деньской играли тут; они были соседями и пролезали друг к другу сквозь кусты крыжовника, разделявшего их садики. В одном из садиков росла бузина, в другом – старая ива. Под ивою-то дети особенно и любили играть, – им позволяли, хотя дерево и стояло почти у самой речки, так что они легко могли упасть в воду. Ну, да Господь Бог сам охраняет «малых сих», а не то было бы плохо! Впрочем, дети были очень осторожны, а мальчик, так тот просто боялся воды; другие ребятишки весело плещутся себе, бывало, в заливе, бегают по воде, шалят, а его и не заманить туда. Зато Кнуду и приходилось сносить немало насмешек; но вот Иоганне раз приснилось, что она плыла по заливу в лодке, и Кнуд преспокойно пошёл к ней навстречу прямо по воде, а вода-то сначала была ему по шею, потом же покрыла его с головой! Полно с тех пор Кнуду терпеть насмешки! Назовут его трусом, а он сейчас и указывает на сон Иоганны, – вон я какой храбрый! Очень он гордился своею храбростью, но от воды всё-таки держался подальше.

Бедняки-родители ребятишек были соседями, виделись друг с другом ежедневно, а Кнуд и Иоганна целыми днями играли вместе в садиках и на дороге, обсаженной по обеим сторонам, вдоль канав, ивами. Красотой эти ивы не отличались, верхушки их были обломаны, ну, да они и стояли-то тут не для красы, а для пользы. Старая ива в саду была куда красивее, и под нею ребятишки «провели немало весёлых часов».

В Кьёге есть большая площадь, и во время ярмарки на ней выстраивались целые улицы из палаток, в которых торговали лентами, сапогами и разною разностью. Во время ярмарки всегда бывала давка и суматоха и почти всегда шёл дождик; во влажном воздухе так и пахло крестьянскими кафтанами и – что куда приятнее – медовыми коврижками. Целая лавка битком бывала набита коврижками! Славно! А что ещё лучше – хозяин лавочки останавливался у родителей Кнуда, и мальчику, конечно, перепадало всякий раз по коврижке, которую он сейчас же делил с Иоганной. Важнее же всего было то, что продавец коврижек умел рассказывать чудесные истории почти обо всякой вещи, даже о своих коврижках. Однажды вечером он и рассказал детям историю, которая произвела на них такое сильное впечатление, что они не могли забыть её никогда. Не мешает, пожалуй, и нам послушать её, тем более, что она очень коротка.

– На прилавке лежало две коврижки, – рассказывал торговец. – Одна изображала кавалера в шляпе, другая – девицу, без шляпы, но с полоской сусального золота на голове. Лицо у них было только на одной стороне, которою они лежали кверху. С этой-то лицевой стороны на них и надо было смотреть, а отнюдь не с оборотной, и так следует смотреть и на всех людей вообще. У кавалера в левом боку торчала горькая миндалинка, – это было его сердце, девица же была чистою медовою коврижкой. Лежали они на прилавке, как образцы, лежали долго, ну, и полюбили друг друга, но ни тот, ни другая ни гу-гу об этом, а так нельзя, если хочешь, чтобы любовь привела к чему-нибудь!

«Он мужчина и должен заговорить первый!» думала девица, хотя и была бы довольна одним сознанием, что любовь её встречает взаимность.

Кавалер же, как и все мужчины, питал довольно кровожадные замыслы. Он мечтал, что он – живой уличный мальчишка, в кармане у него четыре скиллинга, и вот, он покупает девицу и – съедает её!..

Так они лежали на прилавке дни за днями, недели за неделями и сохли; мысли девицы становились всё нежнее и женственнее. «Я довольна и тем, что лежу рядом с ним!» думала она и вдруг треснула пополам. «Знай она, что я люблю её, она, пожалуй, ещё продержалась бы!» подумал он.

– Вот вам и вся история, а вот и сами коврижки! – добавил торговец сластями. – Они замечательны историей своей жизни и своею немою любовью, которая никогда ни к чему не ведёт! Ну, возьмите их себе!

И он дал Иоганне уцелевшего кавалера, а Кнуду треснувшую девицу. Рассказ, однако, так подействовал на детей, что они не могли решиться съесть парочку.

На другой день они отправились с коврижками на кладбище; церковные стены были густо обвиты и летом, и зимою чудеснейшим плющом, – словно зелёный ковёр был повешен! Дети положили коврижки на травку, на самое солнышко, и рассказали толпе ребятишек историю немой любви, которая никуда не годится, т. е. любовь, а не история. История-то была прелестна, все согласились с этим, и поглядели на медовую парочку, но… куда же девалась девица? Её съел, под шумок, один из больших мальчиков, – вот какой злой! Дети поплакали о девице, а потом – верно из жалости к бедному одинокому кавалеру – съели и его, но самой истории не забыли.

Кнуд и Иоганна были неразлучны, играли то под бузиною, то под ивою, и девочка распевала своим серебристым, звонким, как колокольчик, голоском прелестные песенки. У Кнуда голоса не было никакого, зато он твёрдо помнил слова песен, – всё-таки хоть что-нибудь! Горожане останавливались и заслушивались Иоганны; особенно же восхищалась её голосом жена торговца металлическими изделиями.

– Соловьиное горлышко у этой малютки! – говорила она.

Да, славные то были денёчки, но не вечно было им длиться!.. Соседям пришлось расстаться: мать Иоганны умерла, отец собирался жениться в Копенгагене на другой и кстати рассчитывал пристроиться там посыльным при одном учреждении, – должность, как говорили, была очень доходная. Соседи расстались со слезами; особенно плакали дети, но старики обещали писать друг другу по крайней мере раз в год. Кнуда отдали в ученье к сапожнику, – полно такому большому мальчику слоняться без дела! А потом его и конфирмовали.

Как хотелось ему в этот торжественный день отправиться в Копенгаген, повидать Иоганну! Но, конечно, он не отправился ни в этот день, ни потом, хотя Копенгаген и лежит всего в пяти милях от Кьёге, и в ясную, тихую погоду через залив видны были столичные башни. В день же конфирмации Кнуд ясно видел даже золотой купол собора Богоматери.

Ах, как он скучал по Иоганне! А вспоминала ли о нём она?

Да! К Рождеству родители Кнуда получили письмо от её отца. В нём говорилось, что в Копенгагене им повезло и что славный голосок Иоганны сулит ей большое счастье. Она уже была принята в театр, где поют, и даже зарабатывала кое-что. Из заработка своего она и посылала дорогим соседям на рождественские удовольствия целый риксдалер! Пусть в Кьёге выпьют за её здоровье! В письме была и собственноручная приписка Иоганны: «Дружеский привет Кнуду!»

Все плакали – от радости. У Кнуда только и дум было, что об Иоганне, а теперь выходило, что и она о нём думает! И вот, чем ближе подходил срок его ученью, тем яснее ему становилось, что он любит Иоганну; значит, она должна стать его женою! При этой мысли всё лицо его озарялось улыбкой, и он ещё бойчее продёргивал дратву, в то время, как нога натягивала ремень. Он проколол себе шилом палец и даже не заметил! Уж он-то не будет молчать, как те коврижки, – их история научила его кое-чему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.